

"Красок дым волнующий и тонкий..." О Сигизмунде Олесевиче

"...г. Олесевич — это несомненный художник, обладающий резким темпераментом. В его исканиях формы иногда чувствуется щегольство и варварство манеры, проницательность и пренебрежение, беспощадность, ирония и, быть может, столкновение любви и ненависти.

Любит он couleurs d'oubli [цвет забытья], увлекается Ван Донгеном, Пикассо, Ле Фоконье, есть близость к Кончаловскому и Машкову, но его самого, г. Олесевича, нетрудно отличить от тех, кому с ним по пути".

Николай Скроцкий
(Одес. листок. 1916. 12 нояб.)

Сигизмунд Станиславович Олесевич — один из наиболее интересных и неразгаданных одесских художников начала XX века. Был известен как живописец и журнальный график, входил в ядро Общества независимых художников. На выставках его работы никогда не оставались незамеченными, о них писали, спорили. Молодому мастеру прочили большое будущее. А сегодня в Одессе его имя почти неизвестно, картины — в Израиле и во Франции; сохранилось ли что-то на родине — пока непонятно.

Родился Олесевич в 1891 году, рос без отца, воспитывала его мать, Мария Олесевич. В Одессу они приехали до 1898 года, жили на Торговой, 11, а позднее на Херсонской угол Петра Великого.

В областном архиве нашлось личное дело ученика Олесевича из одесского реального училища Св. Павла. В деле — всего несколько листочков. По двум заявлениям матери понятно, что он дважды поступал в училище: в 1899-м (весной 1900 выбыл "по здоровью") и осенью 1900-го. В личном деле отмечены "неблагоприятные условия домашней жизни". Ирония судьбы: по рисованию и французскому языку у будущего художника-парижанина были плохие оценки — в третьем классе из-за "хвостов" по этим предметам его оставили на второй год.

Весной 1907 года ученик шестого класса Сигизмунд Олесевич перешел в коммерческое училище Файга, где он числился до 1909 года. В эти годы в училище преподавали рисование художники Кириак Костанди и Адольф Остроменский (последний одновременно держал известную

Ева Таурская. Египетский танец

в Одессе частную рисовальную школу). Вероятнее всего, первые серьезные уроки будущему художнику дали именно они.

Уже в 1910 году Олесевич принял участие в выставке польских художников на Ланжероновской, в помещении польского общества "Огниско", и показал там три вещи — "Бальное", "Шопен" и "Снег" — о которых, к сожалению, не осталось никаких отзывов. Думается, дальше путь вел его в Париж, ибо именно оттуда были присланы семь работ на одесскую "Весеннюю выставку картин" 1914 года, где участвовали и московский "Бубновый валет", и мюнхенский "Синий всадник" во главе

с В. Кандинским, и члены русской художественной колонии в Париже. Выставка была новаторской, для Одессы необычной и продолжила знакомство одесситов с последними веяниями европейского искусства — знакомство, начавшееся с на шумевших в 1909-1911 годах Салон скульптора Владимира Издебского. Не все легко принимали отход от привычных норм. Вот как отзывался о работах Олесевича на весенней выставке критик Лев Думский: "Видели когда-нибудь, чтобы жницы работали в поле голыми? Так вот, на картине Олесевича можете полюбоваться. А дальше еще почище — картина "Торс". И так хочется повесить над нею плакат: "Отвернитесь"!.." (Маленькие одесские новости. 1914. 25 марта). Совсем другая интонация у одного из вождей нового одесского искусства Михаила Гершенфельда. В "Письме из Одессы" для столичного журнала "Аполлон" он отметил: "Лубочность его [Олесевича] картин интересно сочетается с приемами кубизма, со скошенностью и обрубленностью форм" (1914. № 5).

Непонятно, когда именно после начала I мировой войны Олесевич вернулся в Россию. До 1916 года его имя на страницах одесской прессы не упоминалось. Однако осенью 1916-го — он в Одессе, участвует в выставке картин авангардно настроенной молодежи (будущих "независимых"). И сразу обращает на себя внимание критиков не только количеством выставленных работ (их по каталогу 18), но и их уровнем. Вот отзыв Марии Симонович: "Чутко отражают изменчивую моду дня работы Олесевича.

Георгий Шебуев

Отзвуки "кубизма" и "лучизма" чередуются в них с японск. влияниями, иные вещи написаны в нарочитой наивности провинциальных вывесок, столь излюбленной "Бубновым валетом". Все его произведения производят несколько двойственное впечатление. В первый момент они отчуждают вычурностью своей фактуры. Но стоит подойти к ним поближе, взглядеться в них, и находишь иные, острые акценты в характеристике лиц, неожиданную убедительность и смелость выражения. [...]

Очень неровны и его живописные достижения — в иных полотнах его краски грузны и материальны, моментами прорываются созвучия темпераментные и сильные (в его "Автопортрете" хотя бы). Цельней и законченней маленькие рисунки. Приемы, еще недостаточно созревшие для крупных композиций, применены здесь не в пример удачней. Самая причудливость манеры является новым приемом выразительности, создает стиль" (Одесские новости. 1916. 10 ноября). Отметил работы молодого художника и М. Гершенфельд в очередном обзоре для столичного "Аполлона": "С. Олесевиича занимают реальности жизни, ее обнаженный материализм. Он различно воплощает ее, то в формах кубизма, то в стиле лубка. И в его портретах, и в сценах из быта парижских бульваров, в известной степени парадоксальных, несомненно, уловлен нерв современности; в особенности же удачны рисунки, чистый графизм которых позволяет легче схватить тайну их замысла; самый выразительный из них, пожалуй, японизированный портрет А. Каменского" (Аполлон. 1917. № 2-3).

В 1917 году Олесевиич начал сотрудничать с сатирическим журналом "Бомба", где публиковались рисунки и карикатуры Сандро Фазини, Всеволода Никулина, Бориса Антоновского, Михаила Линского, Федора Сегалья, Юрия Олеси и др. Работы Олесевиича, очень узнаваемые, выполненные в характерной острой, экспрессивной манере, появлялись, иногда по несколько сразу, почти в каждом номере, вплоть до закрытия журнала в 1919 году. Подписывались они разнообразно: С. Олесевиич, S. Oles., S. O., Sigismond и даже O-Sadao-San. Сегодня эти рисунки — основная часть известного нам графического наследия художника.

Осенью 1917-го на первой официальной выставке Общества независимых художников Олесеви́ч показал 10 картин маслом, акварели и рисунки тушью. Критики пребывали в некоторой растерянности: "В работах местных кубистов: Олесеви́ча, Фазини и Мексина — мало нового и понятного. Неудачное кривляние и перепевы петроградских и московских кубистов". (И. Златогоров, Южная мысль. 1917. 23 дек.); "Возьмем для примера портрет поэта С. [по каталогу — "Поэт П. Ставропуло"] работы г. Олесеви́ча. Мы видим, буквально, негативный фотографический снимок большого формата. С таким же успехом портрет может быть назван портретом коммерсанта Игрека либо портретом политического деятеля Икса. Даже близкие друзья не смогут сказать — кого этот портрет изображает. (...) Г. Олесеви́ч интересен только как график. В графике он блестящий техник с причудливой фантазией. Большое наслаждение вызывают его тонкие, изящные, с большим вкусом сделанные рисунки. Художник за короткое время сделал в графике огромные успехи, и нетрудно предвидеть, что ему предстоит сыграть большую роль в русской графике" (С. Золотов, Одес. листок. 1917. 6 дек.).

Как многие другие художники, Олесеви́ч пробовал себя не только в живописи. Дружба с молодыми одесскими поэтами провоцировала на литературные опыты. Короткий, но интересный эпизод в культурной жизни Одессы — еженедельник "Яблочко", три номера которого вышли в апреле-мае 1918 года, "типичное уличное издание", как отозвался о нем один из одесских критиков. "Яблочко" — юмористический бюллетень, издаваемый корпорацией студентов, руководимых лозунгом: "Живи, пока живется! Смотри на все юмористично и презирай бездарь!".

В первом номере было заявлено: "В журнале принимают участие поэты и беллетристы: С. Фазини, С. Олесеви́ч, Продаевич и др. Художники: Эд. Багрицкий, Бор. Бобович, Юрий Олеша, Анат. Фиолетов, Леонид Тредьяков, Зинаида Шишова и др.", т. е. художники в "Яблочке" стали литераторами, а литераторы — художниками. Олесеви́ч активно печатал откровенно пародийные опусы — "Патологический пейзаж", "Простуженная портянка", "Всегда снаружи. Хронический роман из своевременной жизни" и т. п. Художник декларировал в стиле нахальных лозунгов футуристов:

"Мой манифест не нуждается в скуке стриженных одобрений,
Не для них я ковыряюсь бдительно в оптовых складах буржуазной морали".

Роман "Всегда снаружи" (опубликовано две главы) изобилует нарочито вычурными образами и политическими намеками: "Эхо ее голоса, звонкого, как дробление стекол во время погрома"; "Чувства эти, сменявшиеся с быстротой министерских кабинетов преждевременного правительства"; "Стройная до боли геометрия поворотов перемежалась с внезапно усеченными горизонтами наканифоленной мостовой. А улицы пели невеселую песнь новобрачных сионистов под аккомпанемент самостийных автосирен"; "Простуженный замок злобно заскрежетал зубами"; "Темно-полированное дерево его профиля было покрыто волнистой поло-сатостью наслоений, как любят изображать одесские кубисты" и т. п.

Одно из стихотворений Олесевиича, "Крепкая любовь", достаточно характерно и для нашего автора, и для "Яблочка" в целом, поэтому приведем его полностью:

...Значит, она еще любит меня, если только вчера
Подарила мне кальсоны из французского трико,
Самые голубые из всех, что водятся у Альшванга!
Но что же я могу ей спеть,
Жестоко парализованный благодарностью 1-го ранга?
Советуйте же скорее, растерянно ликующему от счастья!..
Может быть постепенно
Украсить ее бедра платонической росписью
Или сыграть ей рапсодию на телефонной трубке?..
А может описью
Давно заложенного имущества
Вызвать улыбчивость на ее греческие губки?
Но нет,
Вижу, что только сдав себя ей в аренду на месяц,
Смогу компенсировать несметные ее преимущества.

Тогда же, весной 1918 года, Олесевиич вместе с друзьями Владимиром Продаевичем и Сандро Фазини организовал ателье декоративной живописи "ПОФ" — от работ этого ателье сохранилась только плохая журнальная фотография одной из фресок в фойе театра-кабаре "Ко всем чертям". В июне-августе участвовал в выставке Общества изящных искусств, которая объединила "под одной крышей представителей всех течений, донные между собой враждовавших. (...) Особенно грустно в залах "южнорусских". (...) В залах "независимых" дышится вольнее" (из рецензии поэта и художника В. Бабаджана. — Юж. огонек. 1918. № 7). Сколько работ по-

казал на этой выставке Олесеви́ч — сейчас уже не узнать, но названия двух сохранились в статье некоего критика Е. К.: "Переписчица" Олесеви́ча представляет собой интересный образец куби[сти]ческого портрета. Аскетический по краскам, он выдержан в благородной серой гамме — железа и стали. Ни сама женщина, ни "ундервуд" не интересуют художника как самостоятельные предметы. Объектом его внимания служат формы из отдельных частей, взятые в произвольных поворотах, их соотношение и взаимное влияние, выявленные посредством разрывов, сдвигов и развертывания плоскостей. Своеобразна "Девушка", простая по форме и общему спокойному тону, слегка оживленному пятном рыжеватых волос. Остальные работы менее значительны" (Мол. Украина. 1918. 26 июня).

В сентябре начала работать Свободная академия Общества независимых художников — "по программе свободных академий Парижа и Мюнхена. Предм. преподаван. Рисование и живопись с натуры. Натюрморт. Быстрые наброски с живой модели. Декоративное искусство и композиция. Анатомия. История и теория искусства. Преподаватели: художники Г.Э. Бострем, М.К. Гершенфельд, С.С. Олесеви́ч, Н.И. Скроцкий. Лекторы (...)". Как видим, Олесеви́ч входил в группу преподавателей практических дисциплин. Пока это единственная информация, свидетельствующая, что Олесеви́ч пробовал себя и как преподаватель.

Поздней осенью, уже традиционно, открылась выставка независимых. На ней, если верить каталогу, Олесеви́чем были показаны картины "Курильщик в котелке", "Натюрморт" и три рисунка. Но внимания критиков удостоилась только первая: "Курильщик" написан твердо, крепко и, вместе с тем, пламенно", — отмечал придиричивый Натан Инбер (Одес. новости. 1918. 3 дек.); "...картины г. Олесеви́ча (курильщик). Несмотря на утрировку и "ломание" пробивается талантливость", — это уже Игорь Златогоров из "Южной мысли" (1918. 4 дек.). "У г. Олесеви́ча отмечу "Человека, курящего трубку", вещь кубистическую, но яркую и интересную, как и все в кубизме, немножко холодную, голодную, но знаменующую большой шаг вперед в творчестве художника. Перед нами теперь прекрасный рисовальщик и вполне убежденный и верой окрыленный носитель беспокойной художнической мысли..." (Бобови́ч Б. Театр. день. 1918. 22 нояб./5 дек.). Кстати, похоже, что именно эта картина сейчас находится в Израиле в некогда цельной, а теперь поделенной между наследниками коллекции Я. Перемена, одесского книготорговца и мецената.

Весной и летом 1919-го, в период правления большевиков, Олесеви́ч, как многие другие "левые" деятели искусства, пытался найти пути сотруд-

ничества с новой властью: в мае участвовал в конкурсе плакатов о Красной Армии, организованном политуправлением Одесского военного округа (и даже получил 1-ю и 2-ю премии), вместе с Теофилом Фраерманом работал в комиссии от подотдела пластических искусств по оценке и распределению художественных ценностей, реквизируемых у частных лиц, был временным заведующим "музеем Руссова". Осенью власть опять сменилась, город был занят Добровольческой армией Деникина — культурная жизнь оживилась, заработали многочисленные мелкие кино- и просто театры, открылись очередные выставки "южнорусских" и "независимых". "По общим политическим причинам и старые и молодые одесские художники работали в отчетном году мало, и особенно молодые..." — отметил П. Нилус. И далее: "Все-таки несмотря ни на что, как всегда, с известным удовлетворением смотрятся гг. Гершенфельд, Олесевич (...). Очень любопытно — г. Олесевич написал портрет "по старинке", скромно и непосредственно" (Южное слово. 1920. 1(14) янв.).

В начале 1920-х Олесевич эмигрировал и поселился в Париже.

О его парижской жизни в Одессе удалось найти немного. Так, первое упоминание об Олесевиче встретилось в июльском номере престижного французского журнала "Art et décoration" за 1925 год, где опубликована фотография стеной росписи, сделанной художником в павильоне "Primavera" большого парижского магазина эстампов. В начале 1930-х на страницах "Art et décoration" можно найти репродукции работ Олесевича, отзывы о них, иллюстрации к детским книгам — и даже сообщение о персональной выставке акварели в галерее "Quatre Chemins" в 1931 году. Из этих отрывочных сведений понятно было одно — начинался его парижский период значительно удачнее, чем у большинства его коллег, избравших тот же трудный путь эмиграции.

Более подробную информацию, конечно, нужно было искать во Франции. Помог один из авторов хорошо известного специалистам и коллекционерам словаря "Художники русского зарубежья" Кирилл Васильевич Махров. Но даже ему, парижанину, это было нелегко. Дело в том, что в эмиграции Олесевич, как выяснилось, больше

Из книги
"L'art polonaise moderne"

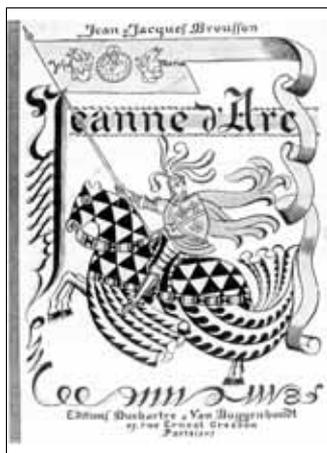

Пьета

общался с польскими художниками, с ними же предпочитал выставляться. Поэтому не попал в круг интересов тех, кто изучал русскую художественную эмиграцию. К.В. Махров провел настоящее расследование и прислал самые разнообразные материалы, в т. ч. из Польской библиотеки в Париже.

Итак, в 1923 году (если не раньше!) Олесевич уже в Париже — участник Осеннего салона на Елисейских Полях. Далее: Осенний салон 1924; Салон независимых и выставка "Век XX" в Тюильри 1928; выставка в галерее Bonaparte, сопровождаемая изданием альбома "Современное польское искусство" ("L'Art polonaise moderne") 1929; выставка польских художников, работающих во Франции, 1935 (художники — участники этой выставки — члены Парижской группы польских художников, созданной в 1935 году, Олесевич входил в оргкомитет группы); выставка современного религиозного искусства в Лувре 1938. Несомненно, участие в этой последней выставке не было случайным — к примеру, в Осеннем салоне 1933 года Олесевич показал "Пьету", о которой в том же "Art et décoration" читаем: "... "Пьета" Олесевича, весьма сдержанная, не может остаться незамеченной, столько в ней ощутимой экспрессии и художественной индивидуальности" (1933. № 12. С. 358).

В апреле 1925-го состоялась первая персональная выставка, совместная с женой, художницей Барбарой Констан (наст. имя Варвара Приходько; 1895, Харьков — 1966, Париж) в галерее "Le Rogique", а весной 1931 в галерее "Quatre Chemins" — выставка акварели, о которой упоминалось выше. Акварели представляли собой иллюстрации к "Трактату о Нарциссе" Андре Жида, предисловие к каталогу написал Жан Кокто: "Вот истинные обитатели Неба, Земли, Воды, Огня и Времени. Все, с кем мы соприкасаемся только в сновидениях. Те, что появляются, лишь благодаря волшебству или песне поэта. Здесь и сейчас их вызывает к жизни кисть Олесевича. Созвездия, волшебные сказки, басни, цирк — его сфера". Обозреватель "Art et décoration" высоко оценил выставку: "Акварели Олесевича, безукоризненно выполненные в традиционной технике акварели, вместе с тем не похожи ни на какие акварели, виденные ранее. К сожалению, они были обойдены критикой... Пятна-цветы, как драгоценные камни, фантас-

Титульный лист "Жанна д'Арк"

тические формы, странные облачения человеческих фигур. Из цвета постепенно проявляется форма... Идея фиксируется с помощью широких мазков, растушевки или очень мягкого карандаша — он очень сильный рисовальщик. Это как бы союз мысли художника, его бессознательной чувственности и его кисти... Результат — необычные, великолепные рисунки, где живет изменчивый мир мечты..." (1931. № 4. Chronique).

Кстати, просматривая репродукции работ Олесевича парижского периода, невольно восхищаешься прозорливостью Вениамина Бабаджана, который в рецензии 1918 года писал: "Г.г. Фазини и Олесевич —

вполне зрелые художники в смысле технической подготовки. Но их кубизм — вряд ли подлинное и глубокое увлечение... Нет сомнения, что оба художника поспешат расстаться со своей манерой, как только она перестанет быть модной" (Южный огонек. 1918. № 7. С. 14).

В 1920-30-е годы Олесевич много работал как книжный график. Его оформление "Жанны д'Арк" Брюссона (1928) и "Наполеона" О. де Бальзака для издательства Дюшартра опять же, не осталось незамеченным ("Art et décoration". 1930. № 12. — Статья Мишеля Вокера "Книги для детей"). И если в "Наполеоне" Олесевичу принадлежит только фронтиспис, то вторая книга им полностью оформлена и проиллюстрирована. Вокер пишет: "...значительные личности необходимы как для создания текста, так и иллюстраций детской книги. Успех этой первой книги ["Наполеон"] вдохновил господина Дюшартра на создание других, аналогичных. Таким образом мы располагаем "Жанной д'Арк" Брюссона с изображениями, основанными на древнем народном искусстве". В 1930-м вышел "Нос" Гоголя

Иллюстрация к повести Н. Гоголя "Нос"

в переводе В. Льона и П. Ставрова (тоже бывшего одессита и близкого знакомого Олесевича — см. сборник, подготовленный и изданный Евг. Голубовским: Ставров П. На взмахе крыла / Илл. С. Олесевича. — О.: Друк, 2002.). Книга была иллюстрирована шестью литографиями художника. Были и другие издания.

Художник пережил войну, оккупацию, послевоенные трудности и умер в почтенном возрасте в Париже в 1972 году.

Казалось бы, сведений много. И все-таки вопросы остаются. Неизвестно, когда именно (между 1910 и 1914 гг.) Олесевич впервые попал в Париж, у кого учился, как отразилась на нем II мировая война, что он делал с конца 1930-х...

В заключение хочу поблагодарить К.В. Махрова (Париж), С.З. Луцicka и Л.Г. Белоусову — с их помощью удалось хотя бы частично восстановить биографию художника. Моя признательность также В.И. Комендантовой — за перевод французских текстов.

А. Кранцфельд **Акварели. 1. Сигизмунд Олесевич**

(Театр и кино. 1917. № 7)

Движения изломно-угловаты,
И женственно-малиновые губки.
И дым от кэпстена из закопченной трубки —
Вас одевают в клочья серой ваты.

Упадочны, причудливы и гладки,
Но мне понятны Ваши акварели,
— Дворцы, каких не выстроит Растрелли,
И розовая грива у лошадки.

Вы нашему театру незнакомки
Накинете влюбленно и учтиво
Одежду из шелков и Ваши примитивы
И красок дым волнующий и тонкий.

Мы разыграем с куклами из ваты
Серебряных седых венецианцев.
И среди масок, золота и танцев
Откроем балаганчик угловатый.